

ГЛАВА 22

Гу Сюньчжи и подумать не мог, что докатится до такого: его утешает утка. Картина со стороны выходила до того нелепой, что он, несмотря на всю горечь в душе, не удержался от слабой усмешки. Он протянул руку и ласково взъерошил перья на голове белого селезня.

— Если не хотите идти с ним, оставайтесь у меня, — тихо проговорил он. — Вот только я теперь человек конченный, калека, да и место здесь для совершенствования неподходящее. Надеюсь, не станете меня попрекать.

Цзюй Ши, пестрый селезень, при этих словах заметно замялся. Человеческой речью он больше пользоваться не смел, лишь негромко крикнул своему собрату Бай Ляню, словно спрашивая его мнения. Тот в ответ лишь сердито хлопнул крыльями, заставив Цзюй Ши понуро отступить на пару шагов.

Белый селезень вспрыгнул на колени Сюньчжи, потерся о его ладонь и вдруг отчетливо произнес:

— Мы всё слышали, господин Гу. Стояли за дверью от начала до конца. Нелегко же вам пришлось. Но сердце у вас доброе, и мы решили — будем с вами.

Бай Лянь говорил искренне, хотя про себя рассудил иначе: пусть господин Гу на вид робок и бесполезен, но раз уж Владыка поднес ему жемчужину Южных морей, значит, таится в этом человеке какая-то неведомая сила. К тому же Сюньчжи был мягок и милосерден — остаться с ним куда лучше, чем подчиняться тому, который чуть что грозитя пустить верных слуг на жаркое.

Перья у селезня были мягкими и теплыми. Это мимолетное прикосновение принесло Сюньчжи странное, почти забытое чувство покоя.

Обстоятельства вынудили его выплеснуть тайну, которую он долгие годы хранил в самом сердце, и теперь он не знал, благо это для него или проклятие. Впрочем, язык Сяо Цуй был спасен. Что же до него самого... Когда жизнь клонится к закату, а воли к борьбе не осталось, уже не так важно, как доживать свой век.

Стоило ему об этом подумать, как нить жемчуга Южных морей на его запястье вдруг часто-часто замерцала. Сюньчжи коснулся прохладных бусин, чувствуя, как тонкие струйки силы вливаются в его изможденное тело.

Он слабо улыбнулся жемчужине:

— И ты тоже не хочешь, чтобы я умирал?

Утешение, пришедшее от птицы и магического дара, утомило бурю в его душе. К нему вернулось мужество — не то, что ведет в бой, а то, что позволяет смиренно ждать ответа... каким бы ни был финал этой истории. С жемчужиной под рукой, если мерить мерками обычных смертных, он мог прожить еще очень долго. И уже не имело значения, свяжут ли их с шпсюном невидимые нити судьбы вновь или разойдутся навсегда.

Пока Гу Сюньчжи обретал покой, Жэнь Ши пребывал в полном смятении.

Покинув маленький дворик, он оказался один посреди бескрайнего мира и не знал, куда податься. В горах Лазурного неба у него была пещера, где можно было укрыться, но возвращаться туда не хотелось. Долгие годы Жэнь Ши странствовал среди людей и верил, что нашел ключ к любой двери, ответ на любой вызов. Но с подобной загадкой он столкнулся впервые.

Его подход к жизни всегда был прост и прямолинеен. Если горный бес пытался подольститься к нему — он просто вышвыривал его вон за хвост. Если бродячие монахи или даосы под видом изгнания демонов осаждали его обитель — он вытряхивал их кошельки, оставляя ровно столько, сколько нужно на починку ворот, и давал им хорошего пинка. Если младший брат проголодался — нужно приготовить еду. Если не слушается — проучить. Если умирает — найти лекарство любой ценой.

Всё было легко и понятно. Большинство проблем решалось в один, от силы в два шага. Даже смертельная болезнь младшего брата не казалась ему неодолимой преградой — пока он рядом, беспокоиться не о чем. Что же до естественного цикла жизни и смерти, предчертанного людям, то Жэнь Ши об этом и не помышлял. Раз уж Гу Сюньчжи когда-то ступил на путь совершенствования, значит, он уже не чета обычным смертным.

Жэнь Ши считал себя мастером в решении любых невзгод, но перед новой истиной оказался бессилён. Весь его многовековой опыт молчал: никто не учил его, что делать, если младший брат питает к нему сердечную привязанность.

Он видел, как люди играют свадьбы, видел безумство страсти и горечь неразделенной любви, но никогда не думал, что это коснется его самого. Тем более — его и младшего брата. По привычке он должен был бы исполнить желание брата, но само отношение Сюньчжи ставило его в тупик... Казалось, тот вовсе не хочет видеть его рядом.

В груди кольнуло — острая, непонятная боль. Жэнь Ши почувствовал влагу на щеках, коснулся их рукой и с изумлением обнаружил, что пальцы мокры от слез.

Терзаемый сомнениями и безотчетным страхом, он покинул столицу и отправился на родину, к берегам Северного моря.

Минуло двадцать лет. С того дня братья не обменялись ни словом, связь между ними была оборвана.

Впрочем, сказать, что они совсем не общались, было бы неверно. Все эти годы Гу Сюньчжи регулярно получал таинственные посылки: редкие снадобья и бесценные сокровища, бравшиеся словно из ниоткуда. Пилюли всегда были завернуты в бумагу, на которой четко указывались способ приема и лечебные свойства — в основном это были средства для продления жизни. Они же неизменно обладали силой укреплять дух и очищать меридианы. Даров было так много, что Сюньчжи не мог носить их все разом; он бережно прятал их в тайник, оставляя при себе лишь жемчужные четки Южных морей.

Но, кроме сухих наставлений к лекарствам, шисюн не прислал ему больше ни единой строчки.

Иногда Сюньчжи гадал: что же на самом деле творится в душе брата? Столько лет прожив в поместье князя, он научился видеть людей насквозь — достаточно было одного взгляда, чтобы понять их помыслы. Но шисюн оставался единственным, чью суть он так и не смог постичь.

Сюньчжи когда-то надеялся покинуть стены поместья через три-пять лет, но незаметно пролетели два десятилетия. За это время князь Цзинь однажды попытался поднять мятеж, но в последний момент обнаружил засаду императорских войск и поспешно свернул знамена. Годы шли, пыл князя угасал. Он всё еще плел заговоры, но скорее по привычке, не решаясь на решительный шаг. Его верные соратники превратились в дряхлых стариков, растеряв былую уверенность. Сюньчжи понимал: попроси он сейчас вольную, князь, пожалуй, не стал бы его удерживать. Вот только идти ему было некуда. Здесь, в маленьком дворике, он обрел хоть какое-то подобие дома.

Несколько месяцев назад старый император скончался. Для князя Цзиня настал идеальный момент, но известие о смерти правителя будто подкосило его. Он заколебался, и трон беспрепятственно занял наследный принц.

В тот день во дворце давали пир в честь нового императора, и князь должен был там присутствовать.

Гу Сюньчжи получил выходной и грелся на солнышке в своем дворике. Служанка Сяо Юй поставила перед ним блюдо с хурмой.

— Господин Гу, угощайтесь, — улыбнулась она.

Плоды были ярко-алыми, налитыми соком — загляденье.

За двадцать лет сменилось немало служанок. Сяо Цуй, чье доброе имя он когда-то отстоял, в итоге получила свободу. Поймав удачный момент, Сюньчжи выпросил у князя милость для нее: выкупил вольную, и девушка вышла замуж за почтенного горожанина. Последующие служанки были из местных девок — они служили год-другой и уходили. Сяо Юй же попала к нему ребенком восьми лет, и он привязался к ней, как к родной внучке, находя в этом нехитрую радость на закате лет.

Ночью он лег пораньше, но за стеной, в покоях князя, поднялся такой шум, что сон как рукой сняло. Лишь наутро до него дошли вести: старый князь занемог.

"Вчера еще был бодр, а сегодня слег?" — Сюньчжи сразу заподозрил неладное. Он отправился навестить патрона и застал того в плачевном состоянии: лицо землистое, губы почернели — явные признаки отравления.

Сердце нового императора оказалось куда чернее и безжалостнее, чем у старого правителя.

Несколько дней в поместье царил хаос. Сюньчжи не смел соваться к господам, дожидаясь новостей от Сяо Юй. Вскоре пришло известие: князь Цзинь скончался, и бразды правления перешли к молодому наследнику.

У князя был лишь один сын от покойной супруги, умершей много лет назад. Сюньчжи знал молодого человека — тот слыл в столице отъявленным гулякой и щеголем. На взгляд Сюньчжи, сын больше пошел в мать и по характеру ничуть не напоминал сурового отца.

Сюньчжи не питал иллюзий. Он знал, что молодой князь всегда презирал методы отца и вряд ли жаловал его самого. Но, прослужив в поместье столько лет, мог рассчитывать, что его оставят в покое — отодвинут подальше, лишь бы не мешался. Эта мысль его успокоила: он перестал являться на службу и целыми днями просиживал в своем саду.

Однако тишина длилась недолго. Всего через несколько дней молодой князь сам пришел к нему и с порога ошаршил вопросом о драконе.

Услышав о звере, Сюньчжи мгновенно подобрался.

Он и думать забыл, какую опасную тайну оставил после себя покойный князь.

Гу Сюньчжи был соучастником тех событий, и порой воспоминания жгли его душу каленым железом. В первые годы, когда дракона только заперли в подземелье, он пару раз навещался туда в надежде чем-то помочь. Но узник был в таком неистовстве, что его проклятия обрушивались на стены, точно удары грома. Он тогда едва не лишился чувств от страха и больше не смел туда возвращаться.

Насколько он знал, князь Цзинь приглядывал за драконом лично, не подпуская к нему даже

самых верных слуг. Видимо, смерть была внезапной, и тот просто не успел передать сыну инструкции. Впрочем, молодой господин вырос в этом доме и не мог не слышать шепотков. Очевидно, едва вступив в права наследования, он первым делом отправился проверить слухи.

Теперь, когда в поместье сменился хозяин, Сюньчжи не стал ничего скрывать. Он рассказал всё без утайки: как князь замыслил мятеж, как заманил Синего дракона в ловушку и к чему привела эта коварная интрига. Молодой человек, никогда не знавший о темных делах отца, явно не ожидал такого наследства. Он с каждой минутой становился всё мрачнее.

Сюньчжи хранил невозмутимость, делясь сведениями и бумагами, которые могли пролить свет на прошлое. Он предоставил наследнику самому разбираться с этим хаосом.

Его расчет оправдался: молодой князь с головой ушел в решение проблем, оставленных стариком, и на время оставил его в покое. Но триумф был недолгим. Спустя пару дней наследник вернулся и поставил перед Гу Сюньчжи задачу, от которой у того перехватило дыхание:

Он собирался выпустить плененного Синего дракона на волю.

<http://bllate.org/book/17555/1712902>